

КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ УГРОЗЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

© 2009 О.В.Эпштейн

Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 27.07.2009

Речевой акт угрозы является тактическим средством манипуляции противником в политическом дискурсе с целью борьбы за власть. Подразделение речевых актов угрозы на прямые и косвенные в зависимости от степени экспликации иллюкутивной силы доказывает невозможность их перформативного выражения. В то же время степень косвенности может варьироваться в зависимости от определения прагматического значения высказывания через его лексический состав, окружающий контекст или фоновые знания.

Ключевые слова: политический дискурс, фоновые знания, менасивный речевой акт, прямой речевой акт, косвенный речевой акт, контекст, макроконтраст.

^o В практике столкновения политических интересов преобладает дух соперничества, подразумевающий борьбу за власть, нередко с применением агрессии. Агрессия предполагает целенаправленное деструктивное поведение, наносящее вред объектам нападения или вызывающее отрицательные переживания. Обращение к агрессивным речевым актам объясняется желанием агрессора самоутвердиться или подчинить себе противника.

В теории конфликтологии одним из агрессивных речевых актов является угроза. Угроза, по определению Большой советской энциклопедии, – это «намерение нанести физический, материальный или иной вред отдельному лицу или общественным интересам, выраженное словесно, письменно, действиями либо другим способом»¹. Являясь тактическим средством манипулирования адресатом, угроза также преследует цель принудить оппонента действовать согласно предъявленным требованиям.

Угроза является базовой категорией для всего многообразия менасивных речевых актов (МРА) в современном английском языке. Исходя, таким образом, из функционального подхода к языку, МРА можно определить как коммуникативно-прагматический класс высказываний со смысловой доминантой угрозы.

При использовании угрозы в политическом дискурсе происходит переориентация средств ее вербальной реализации в соответствии с целью данного дискурса. Следовательно, в политической коммуникации угроза используется как тактический прием манипуляции противником в ситуациях с диаметрально разными целями: борьба за власть и переговоры. Ситуации, когда адресант позволяет себе нарушить правила вежливости и прибегнуть к угрозам в

политическом дискурсе, охватывают определенные тематики: военный конфликт с применением силы и метода ультиматумов, социокультурные и политико-дипломатические международные связи и их разрыв, борьба претендентов за реальную власть.

Дихотомия коммуникативно-прагматического смысла менасивных высказываний включает имплицитное предписание с затемненной прескрипцией и эксплицитное предписание в виде трансформируемой модели. Для более четкого понимания эксплицитности и имплицитности предписаний МРА обратимся к понятиям прямого и косвенного речевого акта.

Речевой акт с эксплицитно выраженной интенцией, когда «говорящий имеет в виду ровно и буквально то, что он говорит», в теории речевых актов носит название прямого речевого акта. Если же в речевом акте говорящий «имеет в виду и прямое значение и, кроме того, нечто большее»², такой речевой акт характеризуется как косвенный акт.

Таким образом, подразделение речевых актов на прямые и косвенные проводится в зависимости от степени экспликации иллюкутивной силы речевого акта. Средством выражения иллюкутивного характера прямых речевых актов является перформативная формула (личное местоимение 1 л. + глагол в 1л., ед.ч. наст.вр., индикатив), которая показывает однозначное соответствие между иллюкутивной функцией и перформативным глаголом, номинирующим ее. Имплицитное содержание высказывания, как правило, не имеет специальных средств для своего выражения и выводится из содержания высказывания, общей ситуации речи или общих фоновых знаний участников коммуникации³.

Различая прямые и косвенные высказывания, различают также собственно семантический и

^o Эпштейн Ольга Викторовна, ассистент кафедры английской филологии, аспирант.

E-mail: olgangeter@gmail.com

¹ Большая советская энциклопедия / Под ред. А.М.Прохорова. 3-е изд. 1978. URL: http://www.rubricon.com/bse_1.asp (дата обращения: 22.03.2009).

² Серль Дж.Р. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: 1986. Вып. 17. – С. 195.

³ Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 40.

прагматический компоненты высказываний⁴. Семантика вытекает из общеязыкового значения компонентов высказывания, в то время как прагматическое значение отражается в его функциональном направлении, т.е. определяется иллокутивной силой высказывания и выявляется при его функционировании в речи. Иллокутивная сила может содержать больше информации, чем локутивный акт, поэтому семантика высказывания лишь только ограничивает, но не исчерпывает ее. В то же время говорящий может придавать высказыванию только ту иллокутивную силу, которая не противоречит семантическому содержанию формы. В прямых речевых актах семантика высказывания совпадает с прагматическим компонентом, в косвенных они расходятся.

В лингвистических исследованиях различных авторов неоднократно подчеркивалось свойство предложений выполнять различные коммуникативные функции. Так, отмечалось использование вопросительных предложений в функции приказа⁵ или в функции просьбы⁶, в функции побуждения⁷. Считается, что подобное несоответствие языковой структуры с коммуникативной интенцией говорит о наличии косвенного речевого акта в действии.

Рассмотрение же языкового оформления менасивных речевых актов доказывает особенность его эксплицитного и имплицитного функционирования. За невозможностью перформативного употребления и за неимением собственных семантико-синтаксических моделей для прямого выражения, менасивный речевой акт принимает форму других речевых актов. Если в эксплицитном выражении МРА его коммуникативная интенция четко обозначена, то в имплицитном МРА базисная иллокутивная сила нейтрализуется вторичной иллокутивной силой. Базисная иллокутивная сила оказывается несоответствующей ситуации общения, что заставляет слушающего искать истинный смысл высказывания.

Косвенные речевые акты связаны с семантическим содержанием предложения, но только косвенным образом. Значение косвенного высказывания реализуется в рамках контекстно-обусловленной ситуации, которая определяет информативно-смысловое содержание коммуникации. Иными словами, МРА только тогда будет являться косвенным, когда его интерпретация будет невозможна вне контекста конкретной ситуации. Например:

«There're all kinds of ways to change regimes»⁸.

Для данного высказывания, взятого в изоляции, можно подобрать множество ситуативных вариантов. Его можно представить в ситуации урока истории, когда учитель рассказывает детям о различных формах правления и различных способах смены режима правления, например, в случаях революций или народных бунтов. В качестве коммуникативного содержания такого высказывания в данной ситуации будет выступать констатация факта, имеющая форму утверждения.

В другой ситуации, например, демонстрации, данное высказывание можно представить даже как лозунг на транспаранте одного из митингующих. В общем, выражаясь словами Дж. Серля, «при небольшом усилии воображения нетрудно представить себе ситуации», в которых форма этого высказывания не будет совпадать с его коммуникативной интенцией⁹.

Таким образом, данное высказывание является семантически неполнозначным. Свою полнозначность оно обретает лишь в конкретной ситуации. Так, определить это высказывание как РА угрозы нам позволяет обращение к ситуации, из которой следует, что говорящий, коим является Джордж Буш младший в должности президента США, адресует это высказывание иракскому правительству в качестве реакции на нежелание главы Ирака предоставить международным наблюдателям данные об оружии массового уничтожения на своей территории. Общий контекст дает нам возможность говорить о ситуации конфликта, с перспективой ее превращения в ситуацию военного конфликта. Так, являясь косвенным актом угрозы, данное высказывание обязано своим существованием «вещественным предпосылкам коммуникации»¹⁰, т.е. тому, что участники общения связаны общей коммуникативной целью, имеют общий фонд знаний о мире и общую оперативную память, касающуюся диалога.

Таким образом, при изучении косвенных речевых актов нельзя не опираться на контекст, так как понимание таких высказываний требует знаний, уходящих за их пределы, учета обстоятельств, в которых протекает коммуникация и осуществляется речевой акт. «Строго говоря, вне контекста невозможно осуществление экспрессивно-коммуникативной функции языка, так как однозначность языковой формы возможна только в заданных условиях и получает свое смысловое выявление только в конкретном построении»¹¹.

Понятие косвенного речевого акта получает различные определения: 1) косвенный речевой акт – это явление речевой многозначности, когда имеет место «нарушение сущностного условия успешности» –

⁴ Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностр. яз. в шк. – 1982. – № 5. – С. 15.

⁵ Почепцов Г.Г. Фатическая метакоммуникация // Семантика и прагматика синтаксических единств: Сб. науч. тр. – Калинин: 1981. – С. 52 – 59.

⁶ Серль Дж.Р. Что такое речевой акт... – С. 151 – 169; Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: 2007.

⁷ Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: 2006.

⁸ Miller M.C. Cruel and unusual: Bush/Chaney's world order. – New York: Norton & co., 2004. 343 p. – P. 64.

⁹ Серль Дж.Р. Что такое речевой акт – С. 207.

¹⁰ Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: 1985. – С. 45.

¹¹ Колианский Г.В. О природе контекста // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47.

«условия назначения речевого акта»¹²; 2) косвенными признаются речевые акты, «смысл или иллюкутивная сила которых выводится адресатом по правилу имплицатур»¹³; 3) косвенный смысл приобретает высказыванием «лишь при реализации в нетипичном (с точки зрения особенностей семантики высказывания) коммуникативном контексте»¹⁴; 4) «любое высказывание, если есть расхождение между формой высказывания и его иллюкутивной функцией»¹⁵; 5) иллюкутивная цель косвенного речевого акта не находит прямого отражения в языковой структуре употребленного высказывания¹⁶.

Разные определения косвенных речевых актов объясняются, прежде всего, их разнообразием. Степень косвенности может варьироваться от низкого уровня, в котором она определяется лексическим составом предложения, до высокого уровня, где прагматическое значение высказывания может быть определено только с подключением окружающего контекста или фоновых знаний¹⁷.

В поверхностной структуре косвенных речевых актов представлены «либо не все компоненты семантической структуры, либо эти компоненты выражены таким непрямом способом, что их восстановление требует привлечения механизма инференции (логического вывода)»¹⁸. Поверхностная реализация значений элементов менасивного высказывания происходит вследствие определенной комбинации лексических и грамматических (в частности, синтаксических) средств.

Набор грамматических средств в косвенных МРА совпадает с теми, что используются для языковой реализации прямых имплицитных МРА, и может быть представлен следующими синтаксическими моделями:

$N (Pr_1) + V [F.Spl.] + N_2 (Pr_2)$

«We will track him down. We will capture him. We will bring him to justice [...]»¹⁹.

$N (Pr_1) + be\ going\ to + V\ Inf + N_2 (Pr_2)$

«Slowly, but surely, we're going to move them out of their holes and what they think is safe heavens, and get them on the move»²⁰.

$N (Pr_1) + Mv + V + N_2 (Pr_2)$

«We can rout out terror through just simply cutting off money»²¹.

$N (Pr_1) + V [Pr.Progr.] + N_2 (Pr_2)$

«We're tracking al Qaeda around the world, and nearly two-thirds of their known leaders have now been captured or killed»²².

$N (Pr_1) + V\ be + Adj + V\ Inf + N_2 (Pr_2)$

«We are resolved to rout out terror wherever it exists to save the world [...]»²³.

На месте N обычно стоит существительное, имя собственное или местоимение (Pr_1), обозначающее адресанта, на месте N_2 (Pr_2) стоят существительные, имена собственные или местоимения, обозначающие адресата; на месте V – глаголы, используемые для экспликации угрозы, в определенных временных формах (будущее время группы Simple – $V [F.Spl.]$; настоящее время группы Progressive – $V [Pr.Progr.]$), в том числе форма инфинитива $V\ Inf$ с выражением *be going to* или с глагольно-адъективной частью сложного сказуемого ($V\ be + Adj$), сочетание этих глаголов с модальными глаголами (Mv).

Лексическая же составляющая имеет для интерпретации смысла высказывания особое значение. В качестве лексического компонента в составе вышперечисленных моделей в прямых имплицитных МРА используются глаголы и глагольные сочетания: 1) физического уничтожения (*to kill, to destroy, to hang, to beat, to shoot, to attack, to crush, to slaughter, to hit, to break, to wipe out, etc.*); 2) социальных санкций (*to pursue, to bring to justice, to bring to book, to put in jail, to keep in custody, etc.*); 3) преследования (*to hunt down, to track down, to target, to ferret out, to rout out, etc.*); 4) лишения (*to strip, to clean from, to disarm, etc.*); 5) изоляции или изменения статуса (*to impeach, to deport, to dismiss, to overthrow, etc.*); 6) выдворения (*to smoke out, to drive out, to root out, to move out of hole, etc.*); 7) удержания силой (*to capture, to catch, etc.*); 8) силового доминирования (*to prevail, to overcome, to preempt, to devour, to lead the fight, to gain triumph, etc.*).

В качестве лексического компонента в синтаксических моделях в косвенных угрозах могут выступать такие глаголы, которые, несмотря на наличие в них менасивной нагрузки, всё же не эксплицируют угрозу. Их можно выделить в группу непереходных глаголов, называющих результат действия угрозы. Группа представлена такими глаголами и глагольными сочетаниями, как *to die, to disappear, to pay the price, to go to pieces, to learn the meaning of sth., etc.*

¹² Кобозева И.М. О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (перевод и лингвистический анализ). – М.: 1988. – С. 39.

¹³ Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: 1985. Вып. 16. – С. 29.

¹⁴ Фомина Л.М. Реализация модальности необходимости в тексте (на материале английского языка): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Л.: 1985. – С. 13 – 14.

¹⁵ Поспелова А.Г. Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: 1988. – С. 143 – 144. – С. 144.

¹⁶ Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: 1986. Вып. 17. – С. 19.

¹⁷ Davison A. Indirect speech acts and what to do with them // Syntax and semantics. – New York: 1975. Vol.3. – P. 143 – 185.

¹⁸ Готлиб Н.В. Семантико-прагматические особенности высказываний, не допускающих экспликации перформатива: Дисс. ...канд. филол. наук. – Л.: 1989. – С. 126.

¹⁹ The white house. Briefing room. URL: http://www.whitehouse.gov/briefing_room (дата обращения: 20.06.2008).

²⁰ Там же.

²¹ Revista INTER-FORUM. Political articles and publications. URL: <http://www.revistainterforum.com> (дата обращения: 17.10.2008).

²² Revista INTER-FORUM. Political articles and publications. URL: <http://www.revistainterforum.com> (дата обращения: 17.10.2008).

²³ Miller M.C. Cruel and unusual: Bush/Chaney's world order. – New York: Norton & co., 2004. 343 p. – P. 248.

«We can't stand by and monitor these rockets spewing their fire on our people. Everyone who has joined in the crime *shall pay the price*»²⁴.

«The first crack in the Axis has come. The criminal, corrupt Fascist regime in Italy *will go to pieces*»²⁵.

В таких случаях адресант не говорит прямо, что именно он выполнит некие действия, которые приведут адресата к такому нежелательному для него результату. Такие конструкции отличаются от конструкций с пассивным залогом, подразумевающим, что над адресатом будет производиться некое действие. Использование глаголов результата действия угрозы снимает и экспликацию совершения негативного действия над адресатом, переводя это действие в разряд иницирующихся и протекающих самостоятельно. Таким образом, происходит одновременная импликация агенса, т.е. адресанта угрозы, и экспликация адресата угрозы. Перенос фокуса с адресанта и его действия на другой аспект сцены с одной стороны можно объяснить желанием подчеркнуть результат действия, т.е. негативные последствия для слушающего. С другой стороны, выдвигание на первый план адресата автоматически смещает фокус с действующего лица. Перевод адресанта в импликацию дает возможность говорящему избежать прямой квалификации его действия как угрозы и приводит к тому, что предсудительное действие не связывается непосредственно с говорящим.

Кроме имплицитного представления агенса действия, косвенность выражается также в косвенном описании самого действия или его результата. Такое описание может носить, например, метафорический характер.

«Our nation is somewhat sad, but we're angry. There's a certain level of blood lust, but we won't let it drive our reaction. We're steady, clear-eyed and patient, but pretty soon we'll *have to start displaying scalps*»²⁶.

Помимо привнесения в предложение должной эмоциональной экспрессивности метафорическое описание действия «жестокое убийство» удаляет процесс исчисления этого действия на одну ступень косвенности. Обращаясь к следующим примерам, можно обнаружить другой тип дескрипции в косвенных МРА.

«Give a few dollars to a Muslim charity Ashcroft thinks is a terrorist organization and you *could be on the next plane out of this country*»²⁷.

«We anticipate a black future for America. Instead of remaining United States, it *shall end up separated states and shall have to carry the bodies of its sons back to America*»²⁸.

²⁴Buzzle.com Special News Reports. URL: <http://www.buzzle.com/articles> (дата обращения: 10.01.2009).

²⁵The American presidency project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu> (дата обращения: 23.06.2008).

²⁶Antiwar.Com. Antiwar news, viewpoints, and activities. URL: <http://www.antiwar.com/quotes.php/> (дата обращения: 15.12.2008).

²⁷Bovard James Terrorism and tyranny; trampling freedom, justice, and peace to rift the world of evil. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 440 p. – P. 185.

Используемое в данных примерах более доступное и, можно сказать, более мягкое описание политической санкции «экстрадиция» и массового убийства национального контингента можно обозначить как эвфемистическую дескрипцию. В первом предложении описание того, что адресата «посадят на следующий же самолет, вылетающий из страны», подчеркивает сколь немедленным будет выдворение. Во втором предложении адресант предпочитает выражение «вывозить тела» выражению «будут убиты». Использование эвфемистических описаний в косвенных МРА объясняется принципом вежливости и корректности, характерным политическому дискурсу как институциональному виду общения.

В случае косвенной реализации угрозы дескриптивным способом лексический компонент представлен глаголом нейтральной семантики. Слово «нейтральный» понимается как нейтральный по отношению к семантической связи непосредственно с актом угрозы. Данные глаголы, взятые в изоляции, не указывают на отнесенность высказывания к числу менасивных: *to be, to do, to have, to know, to meet, to deal, to act, to continue, to start, to set, to bring, to let, и т.д.* Распознать угрозу в речевом акте с такими глаголами в качестве смыслового звена лексико-грамматического компонента помогает контекст. Являясь косвенной, угроза распределяет свою менасивную нагрузку сразу на несколько лексических единиц, зафиксированных в определенную грамматическую форму и представленных в одной из синтаксических моделей выражения МРА. В данном случае, прежде всего, имеется в виду семантико-лингвистическое функционирование контекста.

Лингвистическое определение контекста не раз дается Г.В.Колшанским. По его мнению, «высказывание не складывается как простая сумма из слов с их значениями»²⁹, следовательно, и контекст определяется им как «совокупность формально-фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы»³⁰. Точку зрения о том, что значение предложения не есть смысл высказывания, разделяет и И.В.Арнольд, подчеркивая, что элементы текста значимы не только сами по себе, но и в своих отношениях с другими элементами, в том числе с элементами внетекстовыми, получающими свое выражение на вербальном и невербальном уровнях³¹. Следовательно, косвенность высказывания заключается в том, что оно дает значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании.

²⁸PRAVDA. Ru. URL: <http://english.pravda.ru/> (дата обращения: 19.09.2007).

²⁹Колшанский Г.В. Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. – 1979. – № 6. – С. 52.

³⁰Шехтман Н.А. Системность лексики и семантики слова: Учеб. пособие к спецкурсу / Науч. ред. М.А.Кулинич. – Куйбышев: 1988. – С. 24.

³¹Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. 2-е изд. – Л.: 1981. – С. 44 – 45.

В косвенном МРА восприятие высказывания в качестве угрозы будет складываться из лексико-грамматического элемента, обладающего свойством сигнала, и его контекста. При ближайшем рассмотрении проблематики поиска контекста встает вопрос, где провести границу контекста, минимального для воплощения угрозы. Целесообразной в таком случае будет попытка решить поставленный вопрос через понятия микро- и макроконтраста.

Микроконтекст в контекстологической концепции Н.Н.Амосовой – это непосредственное семантическое и синтаксическое окружение зависимого элемента³². К такому же мнению присоединяется и Г.В.Колшанский, который представляет микроконтекст как непосредственное словесное окружение уточняемого элемента текста³³. Тем не менее, необходимо отметить, что созданию указательного минимума семантически реализуемого слова будут способствовать два фактора: смысловые повторы и семантическая совместимость. Первый фактор подразумевает поиск на синтагматической оси слова или словосочетания, повторяющего значение семантически реализуемого слова, в результате чего будет создана семантическая законченность и однозначность сочетающихся слов. Второй фактор обеспечивает поиск слова или словосочетания, семантически совместимого с анализируемым, и тем самым подсказывающего его значение³⁴.

Понятие макроконтраста представляется менее четким. Нередко под макроконтрастом понимается контекст всего произведения и в таком случае С.Ульман предлагает заменить термин «макроконтекст» на «оптимальный контекст»³⁵. Элементы макроконтраста распределены по всему тексту сообщения или по более или менее законченной его части. Необходимо учитывать наличие языкового воплощения макроконтраста без участия экстралингвистических факторов, что будет отличать его от понятия дискурса, мыслимого как текучая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов³⁶.

При обращении к макроконтрасту исследователь должен выявить не минимум, а максимум контекстуальных связей. Как правило, элементы текста поясняют не отдельные слова, а более значительные сегменты и могут принадлежать к любым уровням – лексике, синтаксису, графике и даже ритму, если рассматривать данную проблематику с точки зрения

стилистики. Косвенная угроза в политической речи в основном реализуется через микроконтекст, который обычно не выходит за рамки одного предложения.

«We are now prepared to meet the inevitable counterattacks of the Germans – with power and with confidence»³⁷.

Глагол «to meet» – «встретить» является глаголом с нейтральной семантикой. Но в данном случае, имея в своем ближайшем окружении в позиции справа лексический контекст «inevitable counterattacks», и название лица, которое будет наносить ответные удары противнику («the Germans» – «немцы»), мы понимаем, что описываемая ситуация является ситуацией конфликта, причем военного. Оказываясь в диалоге противоборствующих сторон, а также при наличии дополнительного контекстуального синтаксического индикатора «with power and with confidence», раскрывающего то, как адресант встретит действия врага, глагол «meet» получает совершенно другое значение – «to fight an opponent (in a contest)». Следовательно, восприятие глагола в новом значении помогает распознать данное высказывание как угрозу.

Более редким случаем является реализация косвенной угрозы в макроконтрасте, но даже в подобной ситуации выход на макроконтраст всегда можно найти, только пройдя этап микроконтраста. Это подтверждает тесную связь данных двух видов контекста. Использование макроконтраста для распознавания косвенной угрозы является редким случаем потому, что оно практикуется лишь тогда, когда в микроконтексте находятся элементы семантически неполные и требующие объяснения, найти которое можно в более широком макроконтрасте.

«[...]We've put FARC, AUC on our terrorist list»³⁸.

Семантическая модель прямого РА угрозы в данном высказывании нарушена. Адресант, адресат и констатируемое действие с отрицательными последствиями для последнего разбросаны по нескольким предложениям. В данном примере угроза выражена формой ассертивного РА. Само по себе утверждение факта, внесения организаций FARC – ФАРК (Революционные вооруженные силы Колумбии) и AUC – АУК (Объединенные силы самообороны Колумбии) в список (to put on the list) не несет менашивной нагрузки. Только обращение к определению «terrorist» перед словом «list» – «список» помогает понять, что речь идет вовсе не о получении адресатом выгоды, а совсем наоборот – скорой опасности для его существования. Характеристика организаций ФАРК и АУК как террористических организаций, поставленных адресантом в некую очередь, всё же не может полностью объяснить причину и цель такого действия, как, собственно, и цель существования у адресанта этого списка. Обращение же к макроконтрасту позволяет

³² Вопросы английской контекстологии / Под ред. М.А.Кашеевой. – Л.: 1974. Вып. 1. – С. 32.

³³ Колшанский Г.В. О логической природе контекста // Тезисы конференции по машинному переводу. – М.: 1958. – С. 45 – 48.

³⁴ Шехтман Н.А. Системность лексики и семантики слова:... – С. 28.

³⁵ Вопросы английской контекстологии ... – С. 44.

³⁶ Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса. – М.: 2004. – С. 11.

³⁷ The American presidency project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu> (дата обращения: 23.06.2008).

³⁸ Revista INTER-FORUM. Political articles and publications. URL: <http://www.revistainterforum.com> (дата обращения: 17.10.2008).

выявить истинное намерение адресанта – бороться и полностью уничтожить противника:

«... fight (v)– to struggle against sb/sth using physical force, in a war, battle, etc»³⁹; «rout out (v) – to defeat sb. completely»⁴⁰.

«We will work with you to rout out terror. We've put FARC, AUC, on our terrorist list. These are killers, who use killing and intimidation to foster political means. And we want to join, with Plan Colombia's billions of dollars, to not only fight the – and by fighting narco trafficking, by the way, we're fighting the funding source for these political terrorists»⁴¹.

Невозможность обнаружить угрозу на микроконтекстуальном уровне увеличивает степень ее косвенности. В соответствии с этим целесообразно будет различать косвенные МРА первой и второй степени.

К косвенным МРА первой степени будут относиться те, которые предполагают перекомпонование элементов актантной структуры (т.е. импликацию адресанта при сохранении формы активного залога за счет семантики употребляемого глагола); косвенное эвфемистическое или метафорическое описание действия или его результата; зависимость менасивного компонента от языкового микроконтекста. К косвенным МРА второй степени будут относиться те, которые предполагают обращение к языковому макроконтексту, нередко при условии прохождения микроконтекста. Сюда также будут относиться и неопределенно-описательные дескрипции предполагаемых действий говорящего.

«There too we have taken the initiative—and we are not going to let go of it»⁴².

Неопределенность действия и его результата достигается за счет местоимения «it». «It» занимает формальную позицию дополнения в предложении, выполняя роль субститута. Обращаясь к окружающему контексту, мы находим слово, с которым оно соотносится «initiative» – «инициатива». Неопределенная референтная соотнесенность переходит в определенную. Сняв, таким образом, одну ступень косвенности, мы переходим к снятию второй, восстанавливая из макроконтекста прагматическое значение слова «инициатива».

«In the Pacific, we are pushing the Japs around from the Aleutians to New Guinea»⁴³.

Данное предложение помогает восстановить как непосредственно действие адресанта – «are pushing around from ... to» – «гоним из ... в» так и адресата, против которого данное действие направлено – «the Japs» – пренебр. «япошки».

В подобных случаях степень косвенности значительно возрастает за счет того, что слушающий может вполне отказаться вычислять референта, сделав вид, что угроза к нему не относится. К тому же немалую роль, как уже отмечалось, играет в таких случаях выбор лексики, не отражающей отрицательную бенефактивность для адресата (как в представленном примере глагольное сочетание «let go of sth»).

При неопределенно-описательной дескрипции выявление негативной семы в действии или его результате затруднено. Нередко ее выявление невозможно даже через макроконтекст.

«If I conclude that increased enemy action jeopardizes our remaining forces in Vietnam, I shall not hesitate to take strong and effective measures to deal with that situation»⁴⁴.

«If they build their homeland on other people's land, there will be a problem with that, especially if they treat the dispossessed as animals»⁴⁵.

Непосредственно в высказываниях отражено лишь намерение предпринять какие-либо действия. Поэтому исчисление прагматического значения угрозы опирается на синтаксическую структуру, представляющую языковой фактор, и на фоновые знания о личности говорящего, представляющие ситуативный фактор, как то наличие в распоряжении говорящего средств воздействия на слушающего, эффективность этих средств и т.п.

В итоге, рассмотрев языковой уровень экспликации речевого акта угрозы, мы можем прийти к следующим выводам. Вследствие неприемлемости эксплицитно-перформативного выражения прагматического значения угрозы, данный речевой акт оформляется в языковой системе английского политического дискурса специальными конвенционально закрепленными структурами, которые можно рассматривать как семантико-синтаксические модели. В данных моделях все или почти все их компоненты эксплицируются на поверхностном уровне, вследствие чего могут быть определены как средства прямого выражения угрозы.

Косвенные речевые акты угрозы характеризуются видоизменением или полной неузнаваемостью семантической модели, от чего зависит их распределение по степени косвенности. Учитываются следующие факторы: переаранжировка элементов актантной структуры; косвенное эвфемистическое или метафорическое описание действия или его результата; зависимость менасивного компонента от языкового микро- и макроконтекста; неопределенно-описательные дескрипции предполагаемых действий говорящего.

В целом, антисоциальная направленность менасивных речевых актов и их использование в институциональном виде дискурса, предполагающем сохранение дипломатических отношений, вызывает необходимость представлять конфликтное речевое поведение в основном в виде косвенных форм.

³⁹ Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 5th edition. Oxford University Press, 1998. 1428 p. – p. 432.

⁴⁰ Там же. – P. 1024.

⁴¹ Revista INTER-FORUM. Political articles and publications. URL: <http://www.revistainterforum.com> (дата обращения: 17.10.2008).

⁴² The American presidency project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu> (дата обращения: 23.06.2008).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Buzzle.com Special News Reports. URL: <http://www.buzzle.com/articles> (дата обращения: 10.01.2009).

INDIRECT MENACING-SPEECH-ACT IN POLITICAL DISCOURSE IN ENGLISH

© 2009 O.V.Epshtein^o

Orenburg state pedagogical university

A menacing-speech-act is a tactical means of manipulating opponents in the political discourse in order to gain power. The division of menaces into direct and indirect speech acts depending upon the degree of illocutionary force explication proves the impossibility of their performative use. At the same time the degree of their indirectness may vary according to the way the pragmatic meaning of the utterance is defined: either through the lexical composition, or with the help of the context or extra linguistic knowledge.

Key words: political discourse, extra linguistic knowledge, menacing-speech-act, direct speech act, indirect speech act, context, macro context.

^o Epshtein Olga Victorovna, Assistant of the English Philology department, Postgraduate. E-mail: olganleter@gmail.com